

ИППОЛИТ¹

Перевёл с древнегреческого Вланес

АФРОДИТА

И в племенах людей, и в глубине лазури
зовусь я славною, бессмертною Кипридой.
Понтийских жителей и тех, кто обитает
вблизи Атласских гор² под светлым оком солнца,
я милостью дарю, к себе почтенье видя, 5
но укрощаю тех, кто горделив со мною!
И небожителей охватывает радость,
когда относятся к ним люди с уважением.
Я скоро покажу, насколько это верно.
Меня Тесеев³ сын, рождённый амазонкой,⁴ 10
царевич Ипполит, воспитанник Питфея,⁵
ревнителя богов, один из всех трезенцев
дерзает называть сквернейшею богиней!
Он презирает брак и отвергает женщин,⁶
а Фебову сестру, дочь Зевса, Артемиду, 15
считает больше всех достойной поклоненья.
В зелёные леса он убегает к деве⁷
и там, ловя зверей стремительными псами,
обычный человек, общается с богиней.
Я не завидую. С чего мне возмущаться? 20
Но я оскорблена презреньем Ипполита,
и я обидчика сегодня покараю!

¹ Трагедия Еврипида «Ипполит» была впервые поставлена в 428 г. до н.э. в Афинах. Перевод выполнен с древнегреческого языка по изданию Диггла: *Euripidis Fabulae*. Edidit J. Diggle. Tomus I. Oxford Classical Texts. Oxford: Clarendon Press, 1984. 201-71. При переводе были использованы комментарии Барретта (Euripides. *Hippolytos*. Edited with Introduction and Commentary by W.S. Barrett. Oxford: Clarendon Press, 1964) и Халлерана (Euripides. *Hippolytus*. With Introduction, Translation and Commentary by Michael R. Halleran. Warminster: Aris & Phillips, 1995). Перевод сверен с английскими версиями Халлерана (в указанном издании) и Ковача (электронный текст:

<http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0106%3Acard%3D1>).

Все хоровые партии переведены оригинальными размерами по метрическим схемам Барретта.

² Большая горная система на северо-западе Африки.

³ Тесей или Тезей (Θησεύς) – 11-й царь Афин. Один из самых известных героев греческой мифологии.

⁴ Матерью Ипполита была Антиопа (Ἀντιόπη), амазонка, дочь бога войны Ареса. Взята в плен во время похода Геракла против амазонок. Геракл подарил её Тесею за храбрость.

⁵ Питфей (Πιτθεύς) – царь Трезена, важного в древности города, расположенного на юго-востоке Пелопоннеса. Питфей славился своим благочестием, поэтому Афродита называет его «чистым» («ἁγνός»). Чувствуется, как в подтексте проводится очень важная для античности мысль о том, что свой род нужно поддерживать в чистоте и не смешивать свою кровь с кровью чужаков – не из-за ненависти к ним, а потому, что существуют определённые качества, которые возвращаются трудом многих поколений «своих» людей, и эти качества легко свести на нет, если не быть разборчивым в браках. Здесь, например, кровь благочестивого царского рода была «испорчена» примешанной к ней дикой кровью амазонки.

⁶ Халлеран (с. 147-8): «Важно отметить, что Аф<родита> требует от Ипп<олита> не простого соблюдения ритуала, но участия в сексе и браке. <...> Ипп<олит> не отрицает божественность Аф<родиты> и не желает помешать поклонению ей; скорее, он хочет держаться от неё на (неуважительном) расстоянии <...>. Хотя девственность ожидалась от незамужних девушек, а целомудрие – от замужних женщин, и периоды сексуального воздержания иногда предписывались мужчинам, полное отрицание сексуальной активности Ипп<олитом> наверняка воспринималось как нечто совершенно из ряда вон выходящее».

⁷ Артемиды – девственная богиня.

Я подготовилась, и дело будет лёгким.
 Когда он приходил, покинув дом Питфея,
 увидеть красоту торжественных мистерий⁸ 25
 в стране Пандиона,⁹ то сердце знатной Федры,
 Тесеевой жены, неистребимой страстью
 к царевичу зажглось, как я того хотела.
 Ещё не посетив трезенские пределы,
 поставила она у самых скал Паллады,¹⁰ 30
 напротив этих мест, изящный храм Киприде,¹¹
 чтоб иноземную любовь свою прославить,¹²
 и храм тот назовут «святыней Ипполита».
 Теперь, когда Тесей край Кéкропа¹³ покинул,
 на время осквернён убийством Паллантидов,¹⁴ 35
 и, взяв свою жену, сюда приехал морем,
 намерен отбывать изгнание годовое,¹⁵
 несчастная жена, исколота нещадно
 стрелами любви, молчит и погибает,
 и про её недуг семейству неизвестно. 40
 Иной, однако, путь суждён для этой страсти.
 Тесей узнаёт всё. Я всё ему раскрою!
 Враждебного юнца проклятьями погубит
 его родной отец, ведь Посейдон, бог моря,
 Тесею обещал исполнить непременно, 45
 как безусловный дар, любые три желанья.
 А Федра, заслужив немеркнущую славу,
 погибнет всё равно. Не так её мне жалко,
 чтоб недругов моих не подвергать мученьям
 и тем самой себе не доставлять отрады! 50
 Я вижу, что сюда подходит сын Тесеев,
 уже окончивший тяжёлый труд охоты.
 Да, это Ипполит. Пора мне удалиться.
 Толпа весёлых слуг спешит за ним, ликуя
 и славя гимнами богиню Артемиду. 55
 Ещё не знает он, что перед ним раскрыты
 Аидовы врата, что этот день – последний!

ИППОЛИТ

С песней! За мною! За мною!
 Зевса небесную дочь
 мы воспоём, Артемиду! 60

⁸ Элевсинские мистерии в честь богини плодородия Деметры и её дочери, Персефоны. Посвящённые принимали участие в торжественных обрядах, о которых известно очень мало.

⁹ Пандион (Πανδίων) – афинский царь. Ипполит приходил в Элевсис, центр мистерий, расположенный в 20 км от Афин.

¹⁰ Громкое название афинского Акрополя.

¹¹ Этот храм, видимо, существовал где-то на южном склоне горы (Барретт, с. 160).

¹² Т.е. любовь к трезенцу-Ипполиту.

¹³ Кéкроп (Κέκροψ) – первый царь Аттики.

¹⁴ Паллантиды (Παλλαντίδαι) – 50 сыновей Палланта, сына царя Пандиона, изгнанного из Афин. Паллантиды были двоюродными братьями Тесея. Вместе с отцом восстали против Тесея и были убиты им.

¹⁵ Изгнание на год было типичным наказанием за непредумышленное убийство.

ИП. И СЛУГИ

	Госпожа! Госпожа моя!	
	Семя Зевса великого!	
	Артемида, возрадуйся,	
	дочь Латоны, ¹⁶ дочь Зевсова!	65
	Ты прекрасней всех девушек!	
	Дом твой – в небе сверкающем!	
	Кров отца благославного!	
	Зевса пылкое золото!	
	Славься, дева прекрасная!	70
	Славься, гордость Олимпова!	71
Ип.	Послушай, госпожа! Я с девственного луга	73
	несу тебе венок, создание рук моих!	
	Там ни один пастух кормить не смеет стадо,	75
	и серп там не бывал! Над зеленью травы	
	усердная пчела весною пролетает,	
	Благоговейный стыд поит речной росой	
	того, кто не учён, однако от природы	
	свой разум получил! Он знание всех вещей	80
	срывает, как цветы, запретные злодеям!	
	Благая госпожа, ты золото волос	
	повязкою укрась, ¹⁷ моим смиренным даром!	
	Я правом наделён, один из всех людей,	
	с тобою пребывать, обмениваться речью	85
	и слышать голос твой, пусть и не видя глаз!	
	Да будет смерть моя такой же, как рождение!	

СЛУГА

	Благой наш господин! (Приветствовать пристало	
	хозяев как богов.) ¹⁸ Совет хороший примешь?	
Ип.	Приму! А то меня вы умным не сочтёте!	90
Сл.	Ты знаешь про закон, положенный всем людям?	
Ип.	Не знаю. Ты о чём? Что следует нам делать?	
Сл.	От общего врага, гордыни, отвращаться!	
Ип.	Вот это хорошо! Какой гордец не гадок?	
Сл.	Ну а смиренный дух, выходит, благотворен?	95
Ип.	Конечно! Малый труд, но выгода большая!	
Сл.	Считаешь, и к богам относится всё это?	
Ип.	Ну да! Мы и живём по божеским законам!	
Сл.	Зачем же ты молчишь пред гордою ¹⁹ богиней?	

¹⁶ Лёто или Латона (Λητώ) – титанида, возлюбленная Зевса, мать Аполлона и Артемиды.

¹⁷ Теперь венок (στέφανος) называется повязкой (ἀνάδημα). Перевод передаёт эту особенность оригинала. Возможно, Ипполит сплёл тонкий венок, похожий на повязку. Возможно также, что это стилистический изыск, свойственный стилю Еврипида. Вот вариант перевода, этого изыска избегающий: «Благая госпожа! Ты золото волос || Укрась моим венком, чистосердечным даром!».

¹⁸ Зная, что Ипполит тщеславен, старик пытается задобрить его перед тем, как давать ему совет.

¹⁹ Барретт (с. 178) обращает внимание на то, что Еврипид использует одно и то же понятие, гордость, и в отрицательном смысле (по отношению к людям), и в положительном (по отношению к божеству). Этот положительный смысл, впрочем, содержит в себе горькую иронию, потому что Афродита, как скоро выяснится, подвержена разрушительной гордыне не в меньшей степени, чем Ипполит.

Ип.	Какой? Поберегись! Не осквернись устами!	100
Сл.	Вот этой! У ворот стоящую Кипридой! ²⁰	
Ип.	Я издали молюсь. Я незапятнан телом.	
Сл.	Она весьма горда ²¹ и чтима среди смертных.	
Ип.	На смертных и богов нет общих предпочтений.	
Сл.	На счастье, господин, пусть ум в тебе созреет!	105
Ип.	Я не люблю богов, которым служат ночью.	
Сл.	Но каждый бог, дитя, с нас требует почтения!	
Ип.	Идите, слуги, в дом! Готовьте пир скорее, накройте на столы! Приятно после ловли наестся от души! Вам и скребницей нужно почистить лошадей! Как только я наемся, то выведу коней промчаться в колеснице!	110
Сл.	Киприде же твоей желаю я удачи! Неопытным юнцам я подражать не буду блужданием ума, но, как рабу прилично, пред статуей твоей скажу слова молитвы. Киприда, госпожа! Умей прощать нечестье! Когда молокосос, чрезмерно пылкий сердцем, болтает всякий вздор, безумца ты не слушай, да будут божества благоразумней смертных!	115 120

ХОР

Высытся влажные скалы, где Океан протекает ²² и наполняет кувшины чистым, тягучим струеньем. Там полоскала подруга порфироцветные ткани в нитях студёной водицы, после же ткани сушила на разогретом утёсе. Там я рассказ услышала о госпоже горемычной.	125 130
Чахнет она от болезни, в комнате тяжело томится, тонким плащом прикрывая кудри свои золотые. Третий уж день голодает, хлеба ни крошки не съела, не обхватила губами сладостных зёрен Деметры. Тайно страдая, желает невозвратно причалить к чёрному берегу смерти!	135 140

²⁰ Т.е. перед статуей. Есть причины полагать, что слово «Кипридой» – более поздняя пояснительная вставка. Вариант перевода без имени богини: «Вот этой самою, у входа в дом стоящей».

²¹ Пытаясь тактично вразумить Ипполита, старик повторяет, что Афродита «гордая» (σεμνός) богиня. Это повторение есть и в оригинале.

²² По древнегреческим верованиям Океан – огромная река, огибающая весь мир.

Милая, чем ты томишься?
 Пан²³ ли, Геката²⁴ ли душат
 ум твой своим наваждением?
 Рёв ли благих Корибантов?²⁵
 Может быть, горная мать?²⁶
 Или ты не предложила 145
 жертвенный хлеб для Диктинны,²⁷
 для многозверной богини?
 Та ведь бредёт и по Лимнам,²⁸
 и на песочные рёбра
 в пене морской наступает!²⁹ 150

Может быть, муж твой великий,
 Эрехтеидов³⁰ правитель,
 в тайную спальню заходит,
 ищет преступных объятий?
 Может быть, с критского судна 155
 некий моряк иноземный
 в эту радушную гавань
 слух несчастливый доставил,
 так что царица страдает
 и на постели томится
 сердцем своим почерневшим? 160

Видимо, в женской природе,
 в этом клубке непонятном
 любит беспомощность виться,
 полная зла и метаний,
 дочь истязаний родильных!³¹
 Ветер такой же провеял 165
 в чреве моём,³² но к небесной
 я воззвала Артемиде,

²³ Пан (Πάν) – бог пастушества и скотоводства, плодородия и дикой природы. Мог вызывать экстаз и помешательство.

²⁴ Геката (Ἑκάτη) – богиня лунного света, преисподней, ведьм, ядовитых растений и вообще колдовства.

²⁵ Корибанты (Κορίβαντες) – предшественники жрецов Кибелы, служившие богине в диком воодушевлении, с музыкой и танцами.

²⁶ Кибела (Κυβέλη) – Великая Мать Богов. Эпитет «горная» произошёл оттого, что Кибела пришла из Фригии (района в Малой Азии), гористой местности.

²⁷ Диктинна (Δίκτιννα) – критская богиня охоты, покровительница охотников, рыболовов и моряков, отождествляемая с Артемидой. Здесь, видимо, «Диктинна» является прозвищем самой Артемиды.

²⁸ Лимны (Λίμνη) – морской залив к северу от Трезена.

²⁹ Другими словами: Артемида блуждает везде, и на море, и на суше, и от неё ничто не укроется. Если ты не принесла ей жертву, богиня непременно узнает об этом. Поэтому ты и чахнешь, боясь кары за своё нерадение.

³⁰ Эрехтэй (Ερεχθεύς) – один из первых царей Афин. «Сыны Эрехтея» или «Эрехтейды» – прозвище афинян.

³¹ Барретт (с. 193): «Когда начинаются роды, женщины впадают в иррациональное состояние ума, которое создаёт в них ощущение полной беспомощности».

³² Барретт (с. 193): «Метафора ветра странна: она может предположить непредсказуемый приступ меланхолии». Действительно, это странный образ. Думаю, Еврипид может иметь в виду и «дуновение» божества, дающего телу приказ начинать родовые схватки. Подобный образ встречается, например, во вступительной речи к «Ифигении в Авлиде»: «он дочери велел самой избрать супруга // по воле ветерков душистой Афродиты» (перевод мой).

стрел дерзновенье хранящей!³³
Если к ней долго взываешь,
с неба она прибывает!

Вот кормилица старая вышла, 170
из ворот провожая царицу!
Брови бедной как тучи темнеют!³⁴
Сердце просит узнать, что случилось,
от каких злоключений
цвет лица её так изменился! 175

КОРМИЛИЦА

Беды смертных! Постылые хвори!
Что мне делать, скажи? Что не делать?
Вот и солнце, и пламя эфира!
Одр болезни на волю выносят
из покоев дворцовых! 180
Так хотела сюда ты явиться,
а теперь запросилась обратно!
Всё ворчишь, ничему ты не рада,
своего не желаешь, а рвёшься
к недоступным утехам! 185
Лучше хворь, чем уход за больными!
Быть больною так просто, а это
и рукам, и уму наказание!
Жизнь людская – сплошное мученье,
и конца этой пытке не видно! 190
Всё, что нужно ценить больше жизни,
непроглядным туманом покрыто!³⁵
Мы так сильно прикованы к блеску
преходящих вещей, потому что
мы не знаем, что будет за гробом, 195
не дано заглянуть нам под землю,
вот и множим пустые рассказы!

ФЕДРА

Поднимите меня! Сяду прямо!
Непослушным становится тело!
Я тяну к вам изящные руки! 200
Ах, служанки! Как давит повязка!
Прочь повязку! И кудри на плечи!

Корм. Замолчи, успокойся! Не надо
так метаться, родная!
Эту хворь перетерпишь ты легче 205
в благородном спокойствии духа!

³³ Артемида – богиня охоты и покровительница родов.

³⁴ Барретт (с. 195): «Вследствие нерушимой традиции, требующей, чтобы эта сцена пьесы разворачивалась вне дома, Ф[едру], лежащую на одре болезни, волей-неволей приходится выносить на открытый воздух».

³⁵ Барретт (с. 197): «Некая посмертная жизнь, несомненно, которую культы мистерий и орфики сулили в пятом веке посвящённым и добродетельным».

	Жребий смертных – страдать постоянно!	
Фед.	Ай-ай!	
	Как хотелось бы чистой водицы из ручья полнозвучного выпить и забыться под тополем чёрным,	210
Корм.	на лугу шелестящем, кудрявом!	
	Что ты, доченька, плачешь?	
	Не болтай ты такого на людях, не плоди полоумные речи!	
Фед.	В горы, в лес вы меня унесите,	215
	в гущу сосен, где стаи собачьи, жаждой крови пылая, настигают пятнистых оленей!	
	Ради бога! Собак натравляя, над копною кудрей золотистых	220
	я разыграю копьём фессалийским, заострённым и лёгким! ³⁶	
Корм.	Ты зачем так волнуешься, дочка?	
	Для чего тебе эта охота?	
	Что за страсть к родникам резвоструйным?	225
	Рядом с башнями есть у нас речка, подойди да и пей сколько хочешь!	
Федр.	Артемиды, царящая в Лимнах и гимназиях, гулких конями! ³⁷	
	Полететь бы в полях твоих вольных, лошадей объезжая венецких! ³⁸	230
Корм.	Что за речи, лишённые смысла?	
	То ты в горы бежишь на охоту, а теперь и коней подавайте на песок, не промытый волнами!	235
	Нам гадатель испытанный нужен, чтобы выведать, кто из бессмертных ум твой, дочка, томит и смущает!	
Фед.	Чем я, бедная, так провинилась?	
	Где утратила здравый рассудок?	240
	В сумасшествие вверг меня демон!	
	Что за горькое горе!	
	Брось вуаль мне на локоны, няня!	
	Сердцу тошно от этих желаний!	
	Застылай мне глаза поскорее,	245
	где и стыд набухает, и слёзы!	
	Ум блудящий обуздывать больно,	

³⁶ Другими словами: почему я не могу быть Артемидой, чтобы Ипполит боготворил *меня*, а не её? Чем она лучше меня? Я такая же прекрасная и умная. Вот оно, нечестие, за которое Федра будет наказана. В античности никого не волновало, чем заняты мысли человека. Главным были не мысли, но поступки. Можно было осуждать богов сколько угодно в душе. Нечестие заключалось во внешнем выражении этого осуждения.

³⁷ В некоторых гимназиях устраивались и гонки лошадей.

³⁸ Венеты - группа племён, населявших северное побережье Адриатического моря, к северо-востоку от реки По.

Корм.	а отдаться безумью преступно!	
	Лучше просто погибнуть, без мыслей!	
	Вот накидка! Ох, скоро ли в саван	250
	и меня замотают?	
	Жизнь меня поучила немало.	
	Людям нужно умеривать пылкость	
	и спокойно сливаться друг с другом,	
	сердцевины души не тревожа.	255
	Нужно знать, как любовные связи	
	распускать и завязывать снова.	
	Тяжело мне одной изнуряться,	
	боль двух душ на себя принимая.	
	Как мне жалко бедняжку!	260
	Говорят, негибаемость духа	
	нам вредит и не дарит отрады,	
	жѣсткий ум со здоровьем враждует.	
	Оттого и хвалю я не крайность,	
	но лишь меру в желаньях.	265
	Кто умѣн, тот со мной согласится!	
Хор	Эй, старая слуга! Кормилица, послушай!	
Корм.	Мы видим злой удел царицы этой, Федры,	
	но в чём её беда, никак не постигаем,	
	а мы хотим узнать об этом чуть побольше!	270
	Узнать бы мне самой! Она не объясняет!	
	Не хочет и сказать, когда пришло несчастье?	
	Мы полностью во тьме! Она молчит об этом!	
	Да, чахнет госпожа! Истощена, разбита!	
	А я и не дивлюсь! Три дня во рту ни крошки!	275
	Она сошла с ума? Убить себя желает?	
	А как тут не умрёшь? Как выживешь без пищи?	
Хор	Ну, прямо чудеса! И муж всё это терпит?	
Корм.	Она не говорит ни слова о болезни!	
Хор	А сам он по лицу не мог бы догадаться?	280
Корм.	Его тут нет как нет. Он в край чужой поехал.	
Хор	А если надавить? Быть может, всё узнаешь –	
Корм.	и чем она больна, и где умом витает!	
	Пыталась я уже, и никакого толку!	
	Но я ещё тружусь! Я просто так не сдамся!	285
	А ты на всё смотри! Свидетельницей будешь	
	того, как я верна измученной хозяйке!	
	Любимое дитя! Давай уже забудем	
	недавний наш разлад! Немного ты расслабься,	
	разгладь волну бровей, расправь дорогу мыслей!	290
	Хоть я тогда и шла нетвёрдо за тобою,	
	теперь я изменюсь, найду слова получше!	
	И если ты больна зазорною болезнью,	
	то женщины вон те лечить её помогут!	

	Но если твой рассказ мужчинам слушать можно, ³⁹	295
	то смело говори! Врачи тобой займутся!	
	Чего же ты молчишь? Эй, доченька! Не кисни!	
	Я глупости несусь? Тогда поспорь со мною!	
	А если я права, то речь мою одобри!	
	Давай! Открой же рот! Взгляни сюда! Вот горе!	300
	Да, женщины! Всё зря! Напрасные старанья!	
	Увязли мы совсем! Она была и раньше	
	глуха к моим словам, такой же и осталась!	
	Но выслушай меня, а после будь упрямей	
	хоть моря самого! Ведь ты детей погубишь!	305
	Когда умрёт их мать, не будет им наследства!	
	Я в том тебе клянусь царицей амазонок,	
	владычицей коней, родившей этим детям	
	внебрачного царя! А мнит себя законным	
	наш Ипполит... Федр. Ой-ой! Корм. Что так тебя задело?	310
Федр.	Убила ты меня! Молю богами, няня!	
	Молчи, не говори об этом человеке!	
Корм.	Вот видишь? Разум есть, хотя и нет охоты	
	ни детям помогать, ни видеть это солнце!	
Федр.	Детей люблю я, но... Меня уносит бурей!	315
Корм.	Чиста ли, госпожа, рука твоя от крови?	
Федр.	Рука моя чиста, однако ум запятнан!	
Корм.	Быть может, некий враг наслал дурные чары?	
Федр.	Наслал, но некий друг! Мы беззащитны оба!	
Корм.	Наверное, Тесей тебе плохое сделал?	320
Федр.	Ах, как бы я сама ему не навредила!	
Корм.	Что это за беда? Зачем ты смерти хочешь?	
Федр.	Оставь меня плутать, и ты не заплутаешь!	
Корм.	Нет-нет, я не уйду! Я тут, с тобой останусь!	
Федр.	Эй, что ты! Отпусти! Зачем так давишь руку?	325
Корм.	Я у твоих колен! Я ни за что не встану! ⁴⁰	
Федр.	Ты о большой беде сама, бедняжка, просишь!	
Корм.	Что хуже для меня, чем не болеть с тобою?	
Федр.	Со мною ты умрёшь, а я стяжаю славу!	
Корм.	О благе я молю, а ты его скрываешь?	330
Федр.	Я и хочу создать благое из дурного!	
Корм.	Тогда твои слова послужат большей чести!	
Федр.	О, ради всех богов! Уйди! Не тискай руку!	
Корм.	Ты дар сначала дай, который мне положен!	
Федр.	Бери! Твоя мольба достойна уваженья!	335
Корм.	Теперь я замолчу, а слово за тобою!	
Федр.	Мать бедная моя! Как страстью ты пылала! ⁴¹	
Корм.	Ты, дочка, о быке? Ты это вспоминаешь?	
Федр.	Несчастная сестра! Твой муж был сам Дионис! ⁴²	

³⁹ Возможно, имеются в виду зрители-мужчины, сидящие в театре.

⁴⁰ Кормилица принимает официальную позу просительницы. Теперь Федре трудно ей отказать. Впрочем, думается, она и сама не прочь поговорить о своих страданиях.

⁴¹ Федра вспоминает о своей матери, Пасифае (Πασίφαη), дочери Гелиоса и жене критского царя Миноса, воспылавшей страстью к быку.

Корм.	Дитя моё, ты что? Родных своих ругаешь?	340
Федр.	Терзаясь, как они, я третьей погибаю!	
Корм.	Я просто сражена! К чему ты, детка, клонишь?	
Федр.	Я мучаюсь бедой не новой, но старинной! ⁴³	
Корм.	Но этим ты ничуть не разъясняешь тайну!	
Федр.	Ох!	
	Сказала б ты сама, что я сказать не смею!	345
Корм.	Но я не рождена с талантом прорицанья!	
Федр.	Что люди на земле любовью называют?	
Корм.	Отраду, дочь моя, разбавленную болью!	
Федр.	Вот я и говорю, что чувствую второе!	
Корм.	Ах, милая! Ты что! Ты любишь? И кого же?	350
Федр.	Вот этого как раз... из рода амазонки...	
Корм.	Не Ипполита ли? Федр. Не я, но ты сказала!	
Корм.	Родимое дитя! Меня ты погубила!	
	Как это одолеть? Как выдержать? Как дальше	
	жить, женщины? О, мрак! О, темень вместо света!	355
	Я прыгну со стены! Дышать я перестану!	
	На что мне эта жизнь? Прощайте! Я погибла!	
	Кошмар! Иметь мозги, противиться душою –	
	и страстно зла желать! Киприда не богиня,	
	но сила посильней! Всех нас она сгубила,	360
	хозяйку, и меня, и весь наш дом несчастный!	
Хор	Да видишь ли ты? Да знаешь ли ты?	
	Невиданный рок, неслыханный крик,	
	царицы моей, звучанье тоски?	
	Исчезнуть бы мне! Не видеть бы мне	
	погибель твою! Ах, боже ты мой!	365
	Бедняжка моя! Как плохо тебе!	
	Какая тоска вливается в нас!	
	Ты скоро умрёшь! Раскроется зло!	
	Что будет с тобой? Что день принесёт?	
	Случится беда с твоею семьёй!	370
	Киприда уже разит не таясь!	
	Тебе не спастись, дочь критской земли!	
Федр.	Трезенки вы мои, живущие на крайнем,	
	далёком рубеже Пелоповой страны!	
	И ранее уже, бессонными ночами,	375
	я думала о том, что рушит жизнь людей.	
	Мне кажется, совсем не от изъяна мысли	

⁴² Федре вспоминает и свою сестру, Ариадну (Ἀριάδνη), которая помогла Тесею убить своего родного брата, Минотавра (рождённого Пасифаей от быка). Была покинута Тесеем на острове Наксос, потом стала женой Диониса. Умерла от родов.

⁴³ Федре намекает на то, что некое проклятие преследует женщин её рода. Согласно одной античной гипотезе, Афродита наказывала несчастной любовью всех женщин-потомков Гелиоса, чтобы отомстить за свой позор, когда её муж, Гефест, поймал её в сети во время совокупления с любовником, Арэсом, и выставил на обозрение всем богам. Гефесту же рассказал обо всём Гелиос (см. Барретт, с. 223). Эта история излагается Овидием («Метаморфозы», книга 4).

так людям не везёт. Какой-то разум есть
 у большинства из нас. Рассмотрим это дело. 380
 Мы знаем, где добро, однако не хотим
 трудиться для него, одни – от вечной лени,
 другие – от усад, закрывших путь к добру.
 Да, в нашей жизни есть немало удовольствий:
 общение, и досуг (любимый наш порок),
 и ровно два стыда. Один из них пристойный, 385
 другой же – враг семье. Их разницу поняв,
 не стали б мы писать два слова идентично.
 Я знаю, это так. Выходит, нет нужды
 те мысли вытравлять каким-нибудь лекарством,
 чтоб мнение своё насильно изменить! 390
 Тебе я расскажу о том, как я страдала.
 Эротом пронзена, пыталась я понять,
 как с этой раной жить. Сначала я хотела
 замкнуться, замолчать и спрятать мой недуг.
 Нет правды в языке. Он гнётся, порицая 395
 и с ловкостью клеймя позор других людей,
 но самому себе вредит намного больше.
 Затем я собралась, зажав себя в кулак,
 благоразумием умерить безрассудство.
 Когда же наконец я больше не могла 400
 Киприду оттеснять, я умереть решила.
 Кто станет отрицать, что это лучший путь?
 Не буду я в тени, когда свершаю благо,
 не буду и блудить под взорами людей!
 И дело, и недуг закончатся бесславьем!⁴⁴ 405
 Я знаю эту злость, которой сильный пол
 окатывает нас. Пусть та прелюбодейка,
 что первой начала пускать чужих мужей
 на брачную постель, погибнет худшей смертью!
 От знатных женщин к нам явилось это зло! 410
 Когда лежат в грязи великие вельможи,
 то думает и чернь, что мерзость хороша.
 Я ненавижу жён, под маскою приличья
 творящих день за днём позорные дела!
 Морская госпожа! Киприда! Как не тошно, 415
 как не противно им в глаза мужьям смотреть,
 от страха не дрожа, что мрак, что их сообщник,
 что самый этот дом расскажут обо всём!
 Подруги! Для того придётся мне погибнуть,
 чтоб ни меня саму не стали осуждать, 420
 ни мальчиков моих! Пусть в городе свободном
 блаженствуют они, пусть вольно речь ведут
 в Афинах золотых, род матери достойной!
 Становится рабом и храбрый человек,

⁴⁴ Другими словами: неважно, изменю я мужу или нет. Если даже узнают, что я всего лишь подумываю об измене, этого будет достаточно для того, чтобы я была опозорена.

	узнав, что мать с отцом запятнаны злодейством.	425
	Одно лишь, говорят, ценней, чем эта жизнь – чистосердечье слов, прямолинейность мысли.	
	А время обличит любого подлеца, внезапно перед ним, как перед юной девой, круг зеркала подняв. Не стать бы мне такой!	430
Хор	О да! Весьма хорош дух здоровый и разумный, он славу для людей, как сладкий плод, растит!	
Корм.	Едва я, госпожа, беду твою узнала, мне сердце охватил невыносимый страх, но я была глупа, и люди видят лучше,	435
	когда вторая мысль над первую блеснёт. Мучения твои не так уж необычны. Разгневалась, видать, богиня на тебя. ⁴⁵	
	Ты любишь (вот уж новь!), как миллионы смертных. Зачем же ты себе погибелью грозишь?	440
	Какой тогда резон в кого-нибудь влюбляться и возгораться вновь, когда торопишь смерть? Киприду не сдержать. Рекою растекаясь, за смирными людьми она течёт легко,	445
	а тех, кого найдёт погрязшими в гордыне, хватает и томит, сама ты знаешь, как! И в чистых небесах Киприда проживает, и в глубине морской, рождая всё вокруг.	
	Она и сеет жизнь, и зажигает страстью, которая всех нас на землю привела.	450
	Кто вдумчиво читал стихи поэтов древних и слышал шёпот муз, тот знает хорошо историю о том, как Зевс любил Семелу, ⁴⁶ как Эос ⁴⁷ от людей Кефала ⁴⁸ унесла	
	в собрание богов, когда в него влюбилась.	455
	Те боги до сих пор живут на небесах и что-то не спешат сойти на эту землю, вполне подчинены им выпавшей судьбе. А ты не устоишь? Тебе иную долю отец определил, спросив иных богов,	460
	на случай, если ты закон людской отринешь? А сколько, ты скажи, разумнейших мужей	

⁴⁵ Кормилица не видит в этом ничего особо страшного. Барретт (с. 239): «Это совершенно обычная цепь событий, и существует очевидное средство – сделай, как хочет бог, окажи ему всю честь, какую только можешь, и, если повезёт, он оставит тебя в покое».

⁴⁶ Семела (Σεμέλη) – четвёртая дочь основателя Фив Кадма и Гармонии, мать Диониса, которого она зачала от Зевса. Гера, супруга Зевса, в гневе на соперницу решила погубить Семелу. Приняв на себя облик Берои, кормилицы Семелы, она внушила ей желание убедиться воочию, что её возлюбленный – действительно то божество, за какое выдаёт себя, а для этого просит Зевса явиться ей во всём блеске своего величия, с громом и молниями. Вынужденный клятвой исполнить просьбу Семелы, Зевс предстал перед ней в пламени молнии; смертная женщина не выдержала небесного огня и сгорела. Зевс спас от гибели недоношенный в лоне матери плод, вложив его в своё бедро, и, когда наступило время, произвёл на свет Диониса.

⁴⁷ Эос (Ἠώς) – богиня зари.

⁴⁸ Кефал (Κέφαλος) – сын Деиона, сына Эола, царя Фокиды. Он был прекрасным юношей и страстным охотником. В него влюбилась Эос и, похитив его, родила от него сына, Фаетона.

	о связях милых жён не знать предпочитают? А много ли отцов мешает сыновьям с Кипридою блудить? ⁴⁹ Мы все давно привыкли постыдные дела творить и забывать!	465
	Не нужно улучшать земную жизнь сверх меры, нет в мире даже крыш, лежащих на дом с отменной прямою. Повергнута в такую огромную беду, как хочешь ты спастись?	470
	Пускай в тебе добро над злом преобладает, и это, как у всех, благая будет жизнь! ⁵⁰ Ты, доченька, не плачь! Оставь дурные мысли, гордыню отмети, ведь это-то и есть гордыня – полагать, что ты сильнее бессмертных!	475
	Терпи свою любовь! Так хочет божество! ⁵¹ И, если ты больна, начни выздоровление! Обряды есть у нас, волшебные слова, на каждую болезнь имеется лекарство.	480
Хор	Мужчинам никогда его не отыскать, однако женский ум и ловок, и увёртлив! Что ж, Федра! Эта речь в твоей беде намного полезнее моей, но лишь тебя хвалю я!	
Федр.	Мои слова горьки, а похвала жестока – принять её трудней, чем доводы старухи!	485
Корм.	Такие вот слова, благие, показательные, уничтожают всё, и города, и страны! Язык не для того, чтоб нежно уши гладить, но чтобы дух вести к достоинству и славе!	490
	Ах, пафос-то какой! Тебе мужчина нужен, а вовсе не слова! Давай скорей обсудим, причём начистоту, что нам с тобою делать! Когда б твоя душа так сильно не страдала, и если б ты была характером потвёрже,	495
Федр.	то я бы никогда толкать в чужую спальню не стала бы тебя! Но ныне плохо дело! Все средства хороши для верного спасенья!	
Корм.	Ах, гадкие слова! Закрой свой рот нечистый и не произноси таких речей постыдных!	500
Федр.	Постыдное теперь нужнее, чем благое, и лучше совершить спасительное дело, чем имя сохранить и с гордостью погибнуть!	
	О, ради всех богов! Слова твои разумны, но и дурны! Оставь! И так уже всё сердце любовью взрыхлено, а если будешь славить порок, то как спастись? Тогда я точно сгину!	505

⁴⁹ Барретт (с. 243): «Она выбирает примеры, подходящие случаю: Т[есей] пострадает именно как муж и отец».

⁵⁰ Барретт (с. 246): «Богу доступно совершенное счастье; простой смертный может надеяться не больше чем на преобладание добра над злом».

⁵¹ Из текста не ясно, какое божество имеется здесь в виду – Афродита, или какой-то другой бог, или просто «бог» в смысле «небо», «высшая воля», «судьба». Я склоняюсь ко второму толкованию.

	Эхалийскую дочку, ⁵⁵	545
	без уздечки кобылку, ⁵⁶	
	без венца и без мужа,	
	от Эвритова дома	
	отстегнула Киприда	550
	и безумной наядой,	
	неуёмной вакханкой	
	сыну славной Алкмены	
	отдала в лязге копий,	
	в смеси дыма и крови!	
	О, несчастная свадьба!	
	О, священный, упругий	555
	обруч Фив! Устье Дирки! ⁵⁷	
	Вы о нраве Киприды	
	всё узнаете скоро,	
	как с пылающим громом ⁵⁸	
	обручила богиня ⁵⁹	
	мать, зачавшую Вакха,	560
	порождённого дважды	
	из-за бойни кровавой!	
	Так богиня и веет, ⁶⁰	
	и витает пчелою! ⁶¹	
Федр. ⁶²	Эй, женщины! Молчать! Я, кажется, погибла! ⁶³	565
Хор	Что, Федра? Что стряслось? Беда под кровлей дома?	
Федр.	Тс-с! Кто-то говорит! Молчите! Не мешайте!	
Хор	Молчу! Твои слова добра не предвещают!	
Федр.	Ах, боже! Ай-ай!	
	Ах, я несчастная! За что мне эти муки!	570
Хор	Чего ты кричишь? О чём говоришь?	
	Что́, женщина, так сразило тебя,	
	смутило твой ум?	

⁵⁵ Эхалия (Οἰχαλία) – название нескольких городов и местностей в Греции. Точно неизвестно, какая именно Эхалия здесь имеется в виду. Вероятно, та, что была на острове Эвбея (см. Барретт, с. 263).

⁵⁶ Кобылка (πῶλος) – традиционная метафора для незамужней девушки. В данном случае это Иола (Ίολη), дочь Эврита, царя города Эхалии. Геракл (сын Алкмены) влюбился в неё и сватался за неё по окончании своих двенадцати подвигов, но получил отказ. Разгневавшись, он разрушил Эхалию и убил Эврита и его сыновей, Иолу же увёл в плен.

⁵⁷ Дирка (Δίρκη) – речка в окрестностях Фив.

⁵⁸ Т.е. за Зевса, который в глазах Семелы стал пламенным громом.

⁵⁹ Афродита.

⁶⁰ Т.е. вдохновляет нас на безрассудные поступки, внушает нам страсти.

⁶¹ Пчела оплодотворяет цветы, смешивая их пыльцу, а также забирает у цветка его нектар. Афродита делает похожие вещи с людьми.

⁶² Начинается разговор Федры с Хором (возможно, в данном случае говорит весь Хор, в унисон, или же один лишь корифей). У эмоционально истощённой Федры нет сил на пение, и она выражается обычным ямбическим триметром (в переводе – шестистопным ямбом). Хор, однако, взволнован и переходит на дохмий (см. Барретт, с. 266-7).

⁶³ В оригинале множественное число. Вариант перевода: «Мы, кажется, погибли!» У Еврипида герой или героиня очень часто говорят о себе во множественном числе, для усиления пафоса. В данном случае предпочтительнее перевести в единственном числе, т.к. никому, кроме Федры, ситуация пока не угрожает.

Федр.	Всё, мне теперь конец! Беги к дверям скорее!	575
	Послушай этот гвалт! Какая буря в доме!	
Хор	Но ты у ворот! Сама объясни, что в доме стряслось! ⁶⁴	
	Быстрой! Говори! Что там за беда?	580
Федр.	Сын амазонки той, наездницы заядлой, ругается, кричит, бранит мою служанку!	
Хор	Я слышу его, но слов не пойму! Ты нам сообщи, о чём там шумят за створкой дверей!	585
Федр.	Понятно же, о чём! Её поганой сводней он только что назвал, продавшей господина!	590
Хор	Бедняжка моя! Раскрыли тебя! Где выход найти? Всё явно теперь! И ты пропадёшь ах, горе! ай-ай! – в своей же семье!	595
Федр.	Раскрыв мою беду, она меня убила! Заботливый мой врач не одолел болезни!	
Хор	Как быть? Как поступить, в ловушке оказавшись?	
Федр.	Я знаю лишь одно – скорей погибнуть надо! В теперешней беде лишь это мне поможет!	600
Ип.	О мать моя, земля! О, свет благого солнца! Что это за слова! Позор невыразимый!	
Корм.	Молчи, мой дорогой! Нас кто-нибудь услышит!	
Ип.	Я не могу молчать, заляпан этой грязью!	
Корм.	Но я тебя молю рукой твоей прекрасной! ⁶⁵	605
Ип.	Прочь пальцы от меня! И пеплос мой не трогай!	
Корм.	Я у колен твоих! Не погуби! Помилуй!	
Ип.	О чём ты? Что за страх? Ведь ты сама невинность!	
Корм.	Мои слова, сынок, не всем предназначались!	
Ип.	На людях всё добро становится добрее!	610
Корм.	Дитя, не забывай! Ты сам же мне поклялся!	
Ип.	Поклялся мой язык, а ум хранил молчанье!	
Корм.	Сынок, ты что творишь? Родных своих погубишь?	
Ип.	Да мне плевать на вас! К чему мне две злодейки?	
Корм.	Прости, мой дорогой! Никто не безупречен!	615
Ип. ⁶⁶	О Зевс! Ну для чего ты женщин лицемерных,	

⁶⁴ Очень странное и даже грубое обращение Хора к царице. Барретт (с. 269): «Обычные женщины толпой побежали бы к двери, чтобы послушать, но Хор должен отказаться, чтобы Ф[едра] смогла продолжить сообщать ему, в интересах слушателей, о том, что ей удастся расслышать. Аудитория, привыкшая к условностям греческого театра, не была бы оскорблена этим». Мне кажется, дело здесь глубже. Еврипид хочет показать нам, что в момент наивысшего эмоционального напряжения социальные рамки перестают существовать. Хор и царица становятся просто женщинами, объединёнными одними страхами и одними ожиданиями.

⁶⁵ Она опять прибегает к испытанному приёму – принимает официальный статус просительницы, прикоснувшись к правой руке Ипполита (и вдобавок льстит ему). Теперь ему намного труднее отвергнуть её просьбу.

⁶⁶ Начинается знаменитая речь Ипполита, направленная против женщин. Речь эта полна подростковых глупостей и специально доведена драматургом до абсурда. Было бы большой ошибкой приписывать эти мысли самому Еврипиду.

погибельных для нас, под солнцем расселяешь?
 Когда ты размышлял про наше размножение,
 не стоило тебе на женщин полагаться!
 Пусть каждый человек то медью, то железом, 620
 то слитком золотым в твоём священном храме
 приобретал дитя,⁶⁷ какое сколько стоит,
 и нёс его домой, чтоб там оно и жило,
 кормилось и росло, вдали от всяких женщин!
 Беря себе жену, впуская в дом несчастье,⁶⁸ 625
 мы платим за него своими же деньгами!
 Что женщины есть зло, мы ясно понимаем,
 смотря, как их отцы приданое готовят,
 от доченек своих, как от чумы, спасаясь!
 А муж, ведущий в дом чудовище такое, 630
 ликует, остолоп, наряды надевая
 на гадкую змею, проматывая средства
 и кровное добро растрачивая тупо!
 Но так устроен мир! Когда тебе полезна⁶⁹
 семья твоей жены, ты горечь брака терпишь, 635
 а если счастлив брак, то родственничков подлых
 ты должен ублажать и думать о хорошем!
 Всем легче без жены! Тот сам себя накажет,
 кто женщину к себе подселит простодушно!
 Терпеть их не могу! Мой дом закрыт для самок 640
 с мозгами тяжелей, чем надобно природе!
 Ещё крупнее зло рождает нам Киприда
 в разумницах таких! А глупых защищает
 от непотребных дел их собственная глупость!
 Нельзя пускать и слуг на половину женщин, 645
 там нужно обитать лишь тварям бессловесным,
 с которыми нельзя ни словом обменяться,
 ни внятные слова на свой вопрос услышать!
 Но даже взаперти мутят злодейки воду
 и подлые дела служанкам поручают! 650
 И ты теперь меня, паскудница, явилась
 манить в постель отца, не тронутую скверной!
 Но я от грязных слов пойду отмою уши
 в журчащем ручейке! Да разве я безбожник?
 Как можно чистым быть, наслушавшись такого? 655
 Но благодатью моей ты, женщина, спасёшься!
 Когда б я не сглупил, богами не поклялся,

⁶⁷ Из оригинала неясно, какого пола было бы это дитя. Скорее всего, ни того, ни другого.

⁶⁸ Эта строка и следующая повсеместно удаляются, как более поздняя вставка, и с этим трудно не согласиться. Строки нелогичны, в них смешивается приданое с выкупом невесты, и непонятно, зачем всё это здесь говорится. См. подробное обсуждение этого места у Барретта (с. 278-9). В переводе добавлены слова «беря жену», чтобы сделать смысл более понятным. Вот вариант перевода без добавленных слов: «И более того, впуская в дом несчастье» и т.д.

⁶⁹ Эта строка и три последующие являются, скорее всего, вставкой из другой пьесы. Рассуждения о родственниках жены плохо вписываются в аргументацию Ипполита. Более того, он заявляет, что всякий брак – это зло по определению, поэтому «хорошего брака» быть в принципе не может. См. подробное обсуждение этого места у Барретта (с. 279-80).

то я про всё отцу, конечно, рассказал бы!
А раз уж вышло так, то я уйду из дома,
пока Тесея нет, и рот сомкну молчаньем!
Но я приду с отцом, спокойно наблюдая,
как ты и госпожа в глаза ему глядите!
Вкус дерзости твоей нескоро я забуду!⁷⁰
Вот женская чума! Я в душу не вмещаю
всей ненависти к вам! Пусть это повторенье
поставят мне в упрёк! Вы все бурлите скверной!
Когда нам не дано облагородить женщин,
то стоит ли кричать, что я их унижаю?

Федр. Ужасный удел! Мерцающий злом,
горящий костром рок женщин земных!
Уловкой какой, заклатьем каким
я узел судьбы смогу развязать?
Удар справедлив! Ах, свет и земля!
Но как избежать коварной судьбы?
Подруги, как боль жестокую скрыть?
Кого из богов, кого из людей
просить, чтоб он боль со мной разделил?
Мученья мои настолько сильны,
что в жизни моей стирается жизнь!
Нет в мире людском страдалиц таких!

Хор Всё прахом, госпожа! Не удалась уловка
кормилицы твоей! Ты слышишь? Плохо дело!

Федр. Негодная ты дрянь! Губительница ближних!
Ты что со мной творишь? Пусть дед мой, Зевс великий,⁷¹
тебя искоренит, огнём тебя изжарит!
Я говорила ведь, я ведь предупреждала,
что нужно рот закрыть! И вот, кругом бесчестье!
Куда тебя несло? Теперь мне и в могилу
порядочной не лечь! Мне новый выход нужен!
Ведь этот человек, разгорячённый злостью,
меня из-за тебя перед отцом ославит,

	Питфею-старику подробно всё расскажет, наполнит всю страну гнуснейшими словами! Будь проклята и ты, и всякий, кто желает своих друзей губить непрошенным усердьем!	
Корм.	Ты, госпожа моя, клянёшь меня по праву, однако же твой ум от горя помутился! Мне есть что возразить, а ты меня послушай! Взрастила я тебя, люблю тебя всем сердцем, однако не смогла найти тебе лекарство, иначе бы меня за мудрость восхваляли!	695 700
	Когда нам повезло, тогда наш ум и ценят!	

⁷⁰ Эта строка объявляется подложной, без веских оснований.

⁷¹ Федра была внучкой Зевса по своему отцу, критскому царю Миносу.

Федр.	И это хорошо? И этого довольно – мне душу растерзать, а после извиняться?	
Корм.	Мы много говорим! Я не была разумной, но, доченька моя, спастись ещё возможно!	705
Федр.	И слышать не хочу! Советами своими уже так много зла успела ты наделать! Поди отсюда прочь и о себе заботься, а что до дел моих, я их сама устрою! ⁷² Послушайте и вы, достойные трезенки!	710
Хор	Есть просьба у меня, а вы её уважьте! Всё слышанное здесь в молчании храните! Зевесовым плодом, священной Артемидой клянусь твою беду не обсуждать на людях!	
Федр.	Прекрасные слова! И вот что я добавлю: я знаю, как уйти от этого несчастья и славой увенчать моих детей любимых, а заодно извлечь из катастрофы пользу! Я никогда свой род не опозорю критский!	715
	В Тесеевых глазах я ни за что не стану злодейкой, чтоб спасти единственную душу!	720
Хор	Необратимый шаг ты снова замышляешь?	
Федр.	Да, нужно умереть! Но как, ещё не ясно!	
Хор	Ты к разуму вернись! Федр. А ты советуй дело! Сегодня умерев, я славную Киприду, губящую меня, порадую немало, навек сражена ударом тяжкой страсти! Но пасынку та смерть бедою горькой станет, ему не вознестись над мачехой погибшей! Болезнь моей души со мною разделяя, успеет он узнать, как быть благоразумным!	725 730
Хор	Улететь бы мне к ущельям, где я птицею крылатой запорхаю в шумной стае, выполняя божью волю! Взвиться бы над морем синим, Адриатику размерить, Эридан ⁷³ крылом оправить, где страдающие сёстры ⁷⁴ поминают Фазтона ⁷⁵ и над пурпурной водицей янтарём лучистым плачут!	735 740

⁷² Здесь Кормилица уходит, а Федра обращается к Хору.

⁷³ Эридан (Ἠριδανός) – мифологическая река, протекавшая из Рипейских гор (возвышенностей, дающих начало основным рекам Скифии) в океан на крайнем западе Европы.

⁷⁴ Семь (по одному из источников) сестёр Фазтона, которых звали Мериоп, Гелия, Эгла, Лампетия, Феба, Этерия и Диоксиппа. После гибели брата были превращены в тополя, а их слезы стали янтарём.

⁷⁵ Фазтон (Φαέθων, «блистающий») – сын Гелиоса, бога Солнца. Выпросил у отца позволение править солнечной колесницей, но кони неумелого возницы отклонились от правильного курса и приблизились к земле, отчего та загорелась. Зевс вынужден был сбить колесницу молнией. Фазтон рухнул в Эридан и погиб.

Полететь бы мне на взморье,
 в сад к певучим Гесперидам,⁷⁶
 где всесильный повелитель
 многоцветной бездны моря⁷⁷
 путь судам перекрывает,
 небо линией священной,
 силой Атласа⁷⁸ равняя,
 где душистые потоки
 бьют у Зевсовой постели,⁷⁹
 а земля дарит бессмертных
 бесподобным процветаньем!

745

750

Белоснежный парус критский,
 нёсший по сырой пучине,
 над ревущей бездной моря
 из блаженного семейства
 госпожу мою для брака,
 оказавшегося горем!
 Не к добру она примчалась
 от своих утёсов критских
 в благодатные Афины,
 и в Мунихии⁸⁰ напрасно
 моряки канат крепили,
 выходя на гладкий берег!

755

760

А теперь постыдным чувством,
 порожденьем Афродиты,
 гордый ум твой взбудоражен!
 Удручённая несчастьем,
 в петлю, спущенную молча
 с крыши брачного покоя,
 шею белую ты вденешь!
 Устыдишься ты позора,
 устремись к доброй славе,
 и она к тебе подастся
 вместо страшного безумства,
 вместо боли нестерпимой!

765

770

775

Корм. (внутри)
 О, горе! Горе!⁸¹
 Эй вы! Сюда, ко мне! Вы все, кто возле дома!
 Тесеева жена, хозяйка, удавилась!

⁷⁶ Геспериды (Ἑσπερίδες) – нимфы, дочери Геспера (Вечерней Звезды) и Нюкты (Ночи). Обитали на островах блаженных. В саду, где они жили под охраной дракона, росли золотые яблоки – свадебный подарок, принадлежащий Гере, жене Зевса. Геракл смог достать эти яблоки, что было его одиннадцатым подвигом.

⁷⁷ Посейдон.

⁷⁸ Атлас или Атлант (Ἀτλας) – могучий титан, держащий на своих плечах небесный свод.

⁷⁹ По преданию, здесь Гера и Зевс провели свою первую брачную ночь.

⁸⁰ Мунихий (или Мунихия) – полуостров с одноимённым портовым городом близ Афин.

⁸¹ В оригинале восклицание «ὦὸ ἰοὺ», которое можно передать многими русскими восклицаниями («А! А!», «Ой! Ой!») или же простой транслитерацией: «Иу! Иу!».

Хор	Всё кончено! Увы! Царицы нет на свете! Она висит в петле, качается под крышей!	
Корм.	Нельзя ли поспешить? Несите поскорее двуострый нож сюда! Перерезайте узел!	780
Хор ⁸²	Подруги, как же быть? Бежать ли в дом, на помощь? Снять узел с госпожи, затянутый на шее?	
—	Зачем? Там разве нет прислуги помоложе? В чужое дело лезть едва ли безопасно!	785
Корм.	Бедняжечку мою скорее распрямите! ⁸³ Любимой госпоже нерадостная служба!	
Хор	Услышала я всё! Страдалица погибла! Уже и тёплый труп кладут и выпрямляют!	
ТЕСЕЙ		
	Что, женщины, стряслось? И по какой причине такой истошный крик доносится из комнат?	790
	От бога я пришёл, меня же не впустили, не вышли на порог с приветом благодушным! Не случилось ли чего со стариком Питфеем?	
	Он прожил много лет, но было бы печально прощаться с ним теперь и провожать из дома! ⁸⁴	795
Хор	Беда твоя, Тесей, относится не к старым, но только к молодым! От них твои печали!	
Тес.	О, боги! Что с детьми? Детей поубивали?	
Хор	Нет, не детей, но мать! Вот боль тебе какая!	800
Тес.	Ты что! Моя жена? Мертва? Да отчего же?	
Хор	Она тугой петлёй себе стянула шею!	
Тес.	Измучена тоской? Каким-нибудь несчастьем?	
Хор	Как больше нам узнать? ⁸⁵ Сама я лишь недавно пришла сюда, Тесей, с тобою вместе плакать!	805
Тес.	Зачем же я венок, из пышных листьев свитый, ношу на голове? Ведь я ходил за смертью! Эй, слуги! Поскорей засовы отодвинуть! Ворота растворить! Ах, горькая картина! Погибшая жена и муж, почти погибший!	810
Хор	Бедняжка моя! Добыча страстей! Зачем ты весь дом повергла в печаль поступком своим? Решительный дух, пошедший на смерть в преступной борьбе,	

⁸² Хор, как всегда, вместо того, чтобы действовать, пускается в рассуждения, теряя драгоценные секунды, когда дело ещё можно поправить. Если бы Еврипид был современным драматургом, то можно было бы сказать, что он выражает мысль о том, что в критические моменты время как бы растягивается или вообще перестаёт существовать, и мысли Хора занимают ничтожно малое время, но вряд ли подобные идеи применимы к античной трагедии.

⁸³ Чтобы труп не закончил в неприглядной позе.

⁸⁴ Не только потому, что ему нравится Питфей, но и потому, что Тесей только что возвратился домой, побывав у оракула. Ему нужно отдохнуть, отпраздновать своё возвращение, воссоединиться с женой — и момент для траура явно неподходящий.

⁸⁵ Помните, что Хор поклялся Федре не выдавать её.

	своей же рукой зажавший себя! Кто бедный твой ум безумьем затмил?	815
Тес. ⁸⁶	Несчастье моё! Я, бедный, познал горчайшую скорбь! Ах, злая судьба! Как ты и на меня, и на мой дом низверглась невидимым клеймом карающего бога! Разрушено всё! Безжизненна жизнь! ⁸⁷ Такая в глазах пучина невзгод, что бедному вдовцу не выбраться на берег и разъярённых вод никак не пересилить! Где слово найти, чтоб им называть жестокий твой рок, супруга моя? Из этих рук моих ты выпорхнула птицей и понеслась в Аид на крыльях шелестящих! Ай-ай! Ай-ай-ай! Беда-то! Беда! За предков моих, за чью-то вину, свершённый давно, теперь я плачу велемьем богов!	820 824 826 830
Хор	Не одному тебе явилось это горе, но многим, господин, пришлось терять любимых!	835
Тес.	Я смерти хочу! Под землю, во тьму я лучше уйду! Какая тоска! Нет больше у меня любимейшей подруги! Ты не себя, жена – меня ты погубила! Откуда, скажи, безжалостный рок ⁸⁸ низвергся, любовь, на сердце твоё? Кто всё мне объяснит? Напрасно ли держу я толпу проворных слуг под этой кровлей царской? <Ты смертью своей убила меня!> ⁸⁹ Я, бедный, гляжу на скорбный мой дом! Как справиться с бедой? Как выразить несчастье? Я гибну! Дом пустой! Осиротели дети! Ай-ай! Ай-ай-ай! Ушла ты, ушла! Ах, сердце моё! Какая жена сравнится с тобой под светочем дня и в звёздной ночи?	840 845 850
Хор	Несчастный вдовец! Разрушен твой дом! Я плачу, смотря на долю твою! Я таю в слезах! В объятьях беды давно я дрожу!	855

⁸⁶ Барретт (с. 319): «Структура Тесеева плача создана так, чтобы создать образ сильного человека, пытающегося усмирить жестокую скорбь. [Плач] состоит из строфы и антистрофы, в которых дохмии перемежаются с парами обычных ямбических триметров».

⁸⁷ В оригинале – традиционный еврипидовский парадокс, «ἀβίωτος βίος», т.е. «безжизненная (мучительная) жизнь».

⁸⁸ Первая половина этой строки сильно испорчена.

⁸⁹ Эта строка почти не сохранилась и приводится в моей реконструкции.

Тес.	А! А! Что за табличка там, в руке жены любимой? Какая это весть? Какое сообщение? О браке ли моём, о детях ли бедняжка составила письмо? О чём-то попросила? Не бойся, светоч мой! Ни на постель Тесея нет женщинам пути, ни в дом его печальный! Я вижу и печать от перстня золотого, а он принадлежал жене моей покойной! Сломаю я печать и разорву тесёмку,⁹⁰ и дам письму сказать, о чём оно желает!	860
Хор	Какая напасть! За старой бедой бог новую шлёт! Безжизненна жизнь⁹¹ теперь, после всех ударов судьбы!⁹² Снесён, разорён господский дворец! Увы! Это всё, что я расскажу! О демон! Этот дом не рушь ты, если можно!⁹³ Услышь мою мольбу! Я, как птицегадатель, за бедствием слежу, порхающим по небу!	870
Тес.	А! Новая беда теперь примкнула к старой! Как выдержать её? Как высказать? Я умер!	875
Хор	Что это за беда? Ты можешь мне поведать?	
Тес.	Но как письмо кричит! Кричит невыносимо! Как сбросить бремя зла? Погиб я совершенно! Пропал я совсем, едва лишь постиг мелодию строк!⁹⁴	880
Хор	Ай-ай! Ты ощутил первопричину бедствий!	
Тес.	Как мне удержать за створками рта слова о таком безвыходном зле! О город родной! Послушай! Ипполит на брак мой поднял руку и грязью очернил благое око Зевса! Отец мой! Посейдон! Ты три моих моленья исполнить обещал! Одно из них низвергни на сына моего! И, если дышит сила в проклятиях твоих, пусть он умрёт сегодня!	885
		890

⁹⁰ Барретт (с. 328): «Табличка состояла из двух кусков дерева, покрытых с одной стороны воском (на который наносились буквы) и сложенных вместе таким образом, чтобы воск был с внутренней стороны. В сложенном состоянии табличка перевязывалась нитью или чем-нибудь подобным, а нить потом крепилась восковой печатью».

⁹¹ Повторение фразы из строки 821. Возможно, это поздняя вставка.

⁹² Эта строка и половина предыдущей сильно испорчены, поэтому смысл восстанавливается приблизительно. См. подробный текстологический анализ этого места у Барретта (с. 330-1).

⁹³ Три заключительные строки Хора считаются более поздней вставкой. Барретт (с. 331) заявляет, что после взволнованных дохмиев Хор никак не может перейти на обычные ямбы и молиться об отвращении несчастья, потому что драматический эффект этим будет разрушен. Под влиянием своей предубеждённости Барретт начинает критиковать язык, которым эти строки написаны. Я готов допустить, что некая порча текста имеет место – но удалять эти строки совсем, на мой взгляд, не стоит. Это слишком радикальный шаг, основанный на вкусовых предпочтениях редакторов (как, увы, бывает слишком часто), а не на попытке осознать реалии античного произведения.

⁹⁴ Ямбы Тесея прерываются дохмиями, передающими его крайнюю взволнованность.

Хор	Не надо, господин! Покайся пред богами!	
Тес.	Ты пожалеешь ведь! Но, право, будет поздно!	
	Нет! Более того, пусть он уйдёт из царства встречать свою судьбу, одну из двух возможных!	
	Пускай же Посейдон, почтив мои молитвы, его, как жалкий труп, низвергнет в дом Аидов, а если будет жить, да станет он изгоем и горький век влачит, скитаясь на чужбине!	895
Хор	А вот как раз твой сын, твой Ипполит, явился!	
	Властитель наш Тесей! Не поддавайся гневу!	900
	Ты о семье своей, о благе дома думай! ⁹⁵	
Ип.	Отец! Я прибежал, твой громкий крик услышав, но не могу понять, зачем ты так стенаешь!	
	Хочу я всё узнать! Скажи, что тут случилось?	
	А! Что это? Отец! О, боги! Что я вижу?	905
	Твоя жена мертва! Неслыханное дело!	
	Я только что был здесь! Она совсем недавно дышала, и жила, и видела свет солнца!	
	Что с ней произошло? И как она погибла?	
	Отец, да говори! Я требую ответа!	910
	Молчишь ты? Но в беде нет пользы от молчанья!	
	Когда всё хочет знать настойчивое сердце, ⁹⁶ оно и в гуще зла тянуться будет к правде!	
	Отец, и от друзей нехорошо таиться, а от родной семьи тем более зазорно!	915
Тес.	О люди, вам уже не тошно ошибаться?	
	Вы учите юнцов бесчисленным ремёслам, мудрите обо всём, копаетесь в искусствах, но главного понять нисколько не хотите – как полных дураков учить благоразумью!	920
Ип.	Ты, верно, говоришь о мудреце великом, способном побуждать безумье к разуменью, но тонкие слова теперь, отец, не к месту, боюсь я, что беда язык твой распалила!	
Тес.	Ах, если б на земле нашли какой-то способ, как различать друзей и считывать их мысли, чтоб знать, кто друг тебе, а кто рядится в друга, и нужно, чтобы мы два голоса имели, для истины один, другой для остального, и нужно сделать так, чтобы правдивый голос изобличал всю ложь, храня нас от ошибок!	925 930
Ип.	Неужто клеветник тебе наполнил ухо наветом на меня, хоть я и не виновен?	
	Я просто потрясён! Твои слова безумны, не чувствуется в них и тени рассужденья!	935
Тес.	Во что ты не впадёшь, рассудок человеческий?	

⁹⁵ Хор и здесь не решается вмешаться и защитить Ипполита, предпочитая обращаться к царю с бесполезными увещаниями. В античной драме хор очень редко принимает какое-либо участие в действии. Его главная функция – наблюдать и комментировать события.

⁹⁶ Эта строка и следующая считаются вставкой из какой-то другой драмы.

Докуда не дойдёт и грязь твоя, и наглость?
 И если человек становится всё хуже,
 и время нас ведёт, сменяя поколения,
 к полнейшему стыду, тогда богам придётся 940
 с привычной нам землёй соединить другую
 и там уже селить злодеев и подонков!
 Смотрите на него! Мой сын единокровный
 на брак мой посягнул, но мачехой умершей
 был сразу обличён во всём своём уродстве! 945
 В лицо отцу смотри! Теперь уже не важно,
 как близко ты стоишь! Мне скверны не избегнуть!⁹⁷
 Ты корчишь из себя возвышенного мужа,
 товарища богов? Ах, чистота! Ах, мудрость!
 Но эти похвальбы не так неоспоримы, 950
 чтоб я сошёл с ума и счёл богов глупцами!
 Давай! Кичись! Гордись! Растительною пищей
 желудок набивай! Орфею поклоняйся!
 С вакханками гарцуй, читай рулоны дури!⁹⁸
 Попался ты, дружок! От этаких людишек 955
 бегите со всех ног! Они нас уловляют
 сетями пышных слов, а замышляют подлость!
 Гляди! Она мертва! Ты возомнил, что спасся?
 Ты этим уличён всего сильней, мерзавец!
 Каким трезвоном кляtv, какими словесами 960
 отвергнешь ты упрёк от женщины погибшей?
 Мол, как внебрачный сын ты был ей ненавистен?
 Мол, у чужих детей всегда война с родными?
 Её ты назовёшь плохой торговкой жизнью,
 продавшей этот свет, чтоб недруга ужалить? 965
 Заявишь мне, что блуд не свойственен мужчинам,
 что женский то порок? И юноши, я знаю,
 не больше юных дев защищены от страсти,
 когда их мелкий ум Киприда растрясает,
 а мужеский их пол им служит оправданьем!⁹⁹ 970
 Да нужно ли вести с тобою эту тяжбу,

⁹⁷ Ипполит осквернён своим злодейством, по мнению Тесея, поэтому при любом контакте с ним скверна сына может перейти на отца. В античности скверна считалась заразной. Этим отчасти объясняется то, что Тесей не хотел сначала разговаривать с Ипполитом. Но теперь это уже неважно, контакт всё равно состоялся.

⁹⁸ Тесей выходит из себя и бросает своему сыну глупые обвинения, плохо соображая, что говорит. Ему ясно, что Ипполит живёт как-то по-особенному, и поэтому он валит на сына всё, что только знает о духовных движениях и обрядах своего времени. А разбирается он в них так же хорошо, как известное животное в известном тропическом фрукте. Орфей (Ορφεύς) – легендарный певец и музыкант, основатель культовых орфических мистерий и орфизма (религиозно-философского учения). Об орфизме мы знаем чрезвычайно мало. Последователи этого учения, действительно, были вегетарианцами. Весьма, впрочем, сомнительно, чтобы Ипполит, охотник и почитатель Артемиды, был вегетарианцем. Вакханки – это уже мистерии бога Диониса. Какая связь видится Тесеем между ними и орфизмом, непонятно. Под «рулонами дури» Тесей, наверное, имеет в виду вообще все писания мистиков, которыми Ипполит якобы забивает себе голову, воображая себя великим мудрецом, которому всё дозволено. Ни одно из обвинений разгневанного отца не соответствует истине. См. подробное обсуждение этого места у Барретта (с. 342-3).

⁹⁹ Другими словами, на любовные похождения мужчин обычно смотрят сквозь пальцы, от женщин же требуют непорочности.

я знаю про неё по вазам,¹⁰⁴ по рассказам,
однако никогда не чувствовал желанья 1005
на плотский пыл смотреть. Я девственен душою!
Ты в эту чистоту не веруешь. Прекрасно!
А всё же покажи, чем был я так испорчен!
Быть может, красотой жена твоя затмила
весь прочий женский пол? А может, я стремился 1010
твой дом прибрать к рукам через твою супругу?¹⁰⁵
Я был бы дураком! Нет, полным идиотом!
Ты полагаешь, власть приятна умным людям?
Ты тут совсем не прав! Она с ума сводила
всех смертных на земле, влюблённых в тиранию! 1015
Хочу я побеждать всех эллинских атлетов,
а в царстве я смирён и рад второму месту,
чтоб жить и процветать с достойными друзьями!
Для действий есть простор, отсутствие же риска
намного веселей, чем прелесть высшей власти! 1020
Я всё тебе сказал! Теперь последний довод!
Когда бы за меня свидетель поручился
на некоем суде с твоей женой, живою,
то смог бы ты найти злодеев настоящих!¹⁰⁶
Но Зевсом, богом клятв, и всей земною твердью 1025
клянусь, что никогда жену твою не трогал
и не мечтал о том, и даже и не думал!
Пусть лучше я умру бесславно, безымянно,
без дома, без родных, бродягой на чужбине,¹⁰⁷
пусть мой холодный труп и вся земля отвергнет, 1030
и море, если я содеял преступленье!
Кто в страх её вогнал, толкнув к самоубийству,
не знаю я совсем и рассуждать не вправе!
Испорченной душе открылась добродетель,¹⁰⁸
а я её имел, но не было в ней пользы!¹⁰⁹ 1035

¹⁰⁴ В оригинале – «γυράφῃ τε λεύσσω», т.е. «смотря на живопись (рисунки и проч.)». В переводе эти слова несколько конкретизированы из соображений размера. См. также комментарий Барретта (с. 351): «Некоторые вазовые изображения типизируют именно то, что имеет в виду Ипп[олит]». Вазы (и лампы) с изображением эротических сцен были весьма распространены в античности, хотя Ипполит мог видеть и собственно картины, фрески на стенах домов, скульптуру и т.п.

¹⁰⁵ Не совсем понятно, что хочет этим сказать Ипполит. Чтобы жениться на Федре, ему пришлось бы избавиться от Тесея, притом оставался бы вопрос, что делать с законными детьми. Ипполит, наверное, хочет показать абсурдность самой мысли о своих притязаниях на трон.

¹⁰⁶ Во множественном числе либо потому, что он подразумевает Федру и Кормилицу, либо говоря намеренно туманно из уважения к покойной царице. Скорее всего, второе, потому что для первого он мог бы использовать двойственное число, а не множественное.

¹⁰⁷ Эта строка считается вставкой какого-нибудь актёра, «который воображал, что удлинение клятвы сделает её крепче» (Барретт, с. 355).

¹⁰⁸ Более афористичный и близкий к оригиналу вариант, но с дактилическим окончанием в первой половине строки: «Недобродетельной открылась добродетель» и т.д.

¹⁰⁹ Барретт (с. 356): «Загадочные слова: ничего такого, что нарушило бы его клятву, однако зрители понимают, и Т[есея] (если бы он прислушался) мог бы понять, что Ипп[олит] знает больше, чем желает сказать». Другими словами: «Федра нашла в себе силы противостоять пороку и покончить с собой, я же был непорочен, но это не принесло мне никакой пользы – сейчас меня либо казнят, либо отправят в изгнание, что немногим лучше казни».

Хор	Ты очень хорошо провёл свою защиту. Богами клялся ты, а это ведь не шутка!	
Тес.	Ну не колдун ли он, не мастер заклинаний? Он выдержкой своей родительскую душу, изгаженную им, намерен пересилить!	1040
Ип.	Тому же и в тебе, отец, я поражаюсь! Когда б ты сыном был, а я б отцом являлся, то я б тебя убил, а не карал изгнанием, за то, что ты посмел жены моей коснуться!	
Тес.	Ты весь в таких словах! Но ты не околеешь по правилам своим, тобой изобретённым! От бед сбежать в Аид – негромкая заслуга! Бродягой станешь ты, и родину покинешь, и век свой проведёшь, тоскуя на чужбине, и будешь так платить за собственную подлость! ¹¹⁰	1045 1050
Ип.	А! Что же ты творишь! Ты не назначишь Время карающим судьёй? ¹¹¹ Так сразу и в изгнание?	
Тес.	Туда, за самый Понт, ¹¹² за океан Атланта, ¹¹³ подальше от меня! Твой облик мне противен!	
Ип.	Не слыша клятв моих, не расспросив провидцев, меня ты без суда и следствия прогонишь?	1055
Тес.	Письмо моей жены само и без гаданий вершит свой правый суд! А стаям птиц, летящим над нашей головой, привет и до свиданья! ¹¹⁴	
Ип.	О, боги! Почему я рта не раскрываю, ведь из почтения к вам я гибну совершенно! Я, впрочем, не смогу наветы опровергнуть, а только без нужды свою нарушу клятву!	1060
Тес.	Напыщенность твоя сведёт меня под землю! Не трудно ли тебе убраться прочь отсюда?	1065
Ип.	Вот горькая беда! Куда же мне податься? Кто дверь откроет мне, когда я так ославлен?	
Тес.	Кто рад потаскуна пустить к своей супруге и дом свой поручить заботам извращенца!	
Ип.	Ты печень мне пронзил! ¹¹⁵ Как тут не разрыдаться, когда в твоих глазах я стал таким злодеем!	1070
Тес.	И думать, и стонать потребно было раньше, когда к жене отца ты гадко подбирался!	
Ип.	Ах, дом! Как я хочу, чтоб ты сказал хоть слово	

¹¹⁰ Эта строка объявляется подложной.

¹¹¹ В оригинале – «μῦνυτήν χρόνον», т.е. «обличителя-время». Барретт (с. 359): «Время обычно раскрывает правду.»

¹¹² Чёрное море. У древних греков оно называлось Понт Аксинский (Πόντος Ἄξενος), т.е. «Негостеприимное море».

¹¹³ Атлантический океан был назван по имени Атланта или Атласа (Ἀτλας) – могучего титана, держащего на плечах небесный свод. В оригинале – «τόλῳν Ἀτλαντικόν», досл. «атлантические места».

¹¹⁴ Одним из способов гадания было наблюдение за полётом птиц.

¹¹⁵ В оригинале – «αἰῶ, πρὸς ἥπαρ», т.е. дословно «ай-ай, (прямо) в печень». У древних греков печень, а не сердце, считалась средоточием жизненных сил человека. В наше время подобное восклицание звучит странно, потому что мы возвели сердце в ранг самого главного органа. Тот, кто предпочитает более привычное звучание перевода, может изменить эту строку так: «Ты сердце мне пронзил!».

Сл.	Меркнет прозрачность ума, не исполнятся наши надежды! Видели, видели мы, как звезда и Афин, и Эллады, самая светлая, в чуждые области скрыться желает от гнева отцовского!	1120 1125
	Берег песчаный за линией города! Лес под горой, где царевич охотился, зверя проворными псами затравливал, вместе с Диктинной ¹¹⁹ прекрасной, божественной!	1130
Хор	Больше тебе не скакать на венетских конях, ¹²⁰ в колеснице больше круги не чертить, озирая гимнасий лимнийский, ¹²¹ муза бессонная, лирная музыка в доме отцовском умолкнет, рассыплется! Рощи густые Латоновой дочери больше не будут венками украшены! Этим изгнанием споры закончатся юных невест о замужестве царственном!	1135 1140
	Я годы в горе проведу, бездольной долею твоей томя свой дух! ¹²² Бедняжка мать! Зачем ты сына родила? Как злюсь я всё же на богов! Что за напасть! Хариты, слитный хоровод! ¹²³ Как жаль, что из-за ваших чар блуждать в бездомные края ушёл невинный человек!	1145 1150
	Но вижу я слугу из свиты Ипполита! Темнее тучи он! И как несётся к дому!	
ВЕСТНИК	Эй, женщины! А где правитель этих мест? Где славный наш Тесей? Вы знаете, наверно? Скажите поскорей! Он дома, во дворце?	1155
Хор	Да вот он, погляди! Выходит из покоев!	
Вест.	Тесей, я весть несу, достойную забот и самого тебя, и всех афинских граждан, и жителей твоих трезенских областей!	
Тес.	А что произошло? Ещё одно несчастье	1160

¹¹⁹ Дикти́нна (Δίκτυννα) – прозвище Артемиды, происходящее от слова «δίκτυον» («рыболовная сеть»). Согласно легенде, Артемиде однажды спряталась в рыболовных сетях, спасаясь от объятий критского царя Миноса.

¹²⁰ Венéты (Ενετοί) – одно из древних племён, населявших Европу.

¹²¹ Лимна (Λίμνη) – гимнасий в Трезене.

¹²² Барретт (с. 375): «Юные матроны вполне могут это сказать: они преувеличивают, конечно, и это – не более, чем смесь человеческой природы и скорбной условности [threnodic convention]».

¹²³ В оригинале – «συζύγαι Χάριτες», т.е. «запряжённые вместе Хариты». Харίты (Χάριτες, от слова «χάρις», «изящество, прелесть») – три богини веселья и радости жизни, олицетворение изящества и привлекательности.

гигантскую волну. Она у глаз моих
уже отобрала Скироново побережье,
Истмийскую дугу, Асклепия скалу!¹²⁷
И вздулась та волна, и, пеной растекаясь, 1210
толкаемая всей пучиною морской,
к побережью подошла, к бегущей колеснице.
И в грохоте воды, в уже тройном валу,
явился мощный бык, свирепое создание!
И вся земля, вобрав его истошный рёв, 1215
гудела и тряслась! Нам, в ужасе глядящим,
казался этот бык огромней, чем он был.
На четверню нашёл испуг невыносимый,
однако господин, в повадках лошадей
немало искущён, руками вожжи стиснул 1220
и, как моряк весло, к себе их начал влечь,
откинулся назад и натянул поводья.
Но кони понеслись, кусая удила,
рождённые огнём,¹²⁸ и был бессилён кормчий!¹²⁹
Не чуя ни вожжей, ни тяжести колёс, 1225
помчалась четверня! Когда же к мягкой суше¹³⁰
он судно направлял, орудуя веслом,¹³¹
бык прыгал перед ним, гоня его обратно,
вселяя дикий страх в две пары лошадей!
Пока они неслись на скалы иступлённо, 1230
бык молча топотал, в перила тычась лбом,
но вот встряхнул, сломал и опрокинул кузов
и обод колеса о камень раздробил!
Всё сшиблось, грохоча! Взлетели втулки, спицы,
звонящие колки, окружности колёс, 1235
а твой несчастный сын, запутавшись в поводьях,
обвязанный кругом, влачится по земле
и голову свою о камни разбивает,
растерзывает плоть, и слышен жуткий крик:
«Постойте, жеребцы! Моих кормушек дети! 1240
Не рушьте жизнь мою! Ах, горький гнев отца!¹³²
Кто может защитить первейшего из смертных?»
Но многие из нас, не в силах так бежать,
остались позади.¹³³ Освободившись, впрочем,

¹²⁷ Халлеран (с. 252): «Местонахождение [Асклепиевой скалы] неизвестно, но, вероятно, это возле Эпидавра, где бог врачевания особенно почитался».

¹²⁸ В оригинале – «πυρίγενῆ», т.е. «огнерожденные». Барретт (с. 387): «[Удила] кованые; чисто орнаментальный эпитет.»

¹²⁹ В оригинале – «ναύκληρος». Продолжение морской метафоры. Колесница сравнивается с кораблём, потому что её вот-вот поглотит море.

¹³⁰ Т.е. подальше от прибрежных скал.

¹³¹ Метафора корабля продолжается ещё более смело. В оригинале – «οἴαξ», т.е. «кормовое весло, руль».

¹³² Барретт (с. 389): «Здесь и далее <...> Ипп<олит> знает, что Т<есей> проклял его. Тот факт, что он не узнал этого на сцене и, значит, ему должны были сказать об этом после его ухода на [строке] 1101, заметит только редактор, обдумывающий пьесу на досуге: зрители никогда не заметят этого, и в обязанности драматурга не входит объяснение каждой такой мелкой детали».

	от кожаных ремней, не знаю точно, как,	1245
	он рухнул на песок, ещё дыша немного,	
	а кони скрылись прочь, и с ними страшный зверь,	
	в неведомой дали, среди утёсов чёрных!	
	Я раб в твоём дому, хозяин дорогой,	
	но даже для меня поверить невозможно,	1250
	что сын твой совершал постыдные дела!	
	Пускай весь женский род засунет в петлю шею	
	и весь идейский лес на письма изведёт, ¹³⁴	
	я всё же заявлю, что сын твой невиновен!	
Хор	Ай-ай! Уже бурлят потоки новых бед!	1255
	Никак не обмануть судьбу и неизбежность!	
Тес.	Питая сильный гнев к тому, кто так погиб,	
	я радостно внимал. Теперь же пред богами,	
	пред сыном стыдно мне, и я не нахожу	1260
Вест.	на сердце у себя ни радости, ни горя.	
	Так что? Нести его? Скажи, как нужно нам	
	с несчастным поступить, чтоб дух твой уладился!	
	Решай! Но если ты приемлешь мой совет,	
	не стоит унижать израненного сына!	
Тес.	Несите же его, чтоб я ему в глаза	1265
	всю правду рассказал про божье наказание, ¹³⁵	1267
	ведь он, презренный лжец, на брак мой посягнул!	1266
Хор	Негнушийся ум людей и богов	
	Киприда, ты гнёшь,	
	а пёстрый твой сын колдует своим	1270
	проворным крылом,	
	носясь над землёй и терпкой, густой	
	пучиною вод.	
	Вселяет Эрот безумье в сердца	
	и хлещет своим пером золотым	1275
	и горных зверей, и чудищ морских,	
	и тварей земли,	
	и тех, кто живёт под оком небес,	
	и смертных людей. А ты надо всем,	1280
	Киприда моя, цветёшь и царишь! ¹³⁶	
АРТЕМИДА		
	Знатный отпрыск Эгея! Послушай теперь,	
	что тебе я скажу,	
	Артемиды-богиня, Латонова дочь!	1285

¹³³ Свита Ипполита, видимо, следовала за его колесницей пешком, и, когда она понеслась вперёд, значительно отстала.

¹³⁴ Письменные дощечки делались из дерева.

¹³⁵ Боги просто так покарать не могут. Если кара имела место, значит, человек виновен. Тесей, конечно, глубоко заблуждается. Ещё один пример пессимистической иронии Еврипида.

¹³⁶ Барретт (с. 395) и Халлеран (с. 257) указывают на то, что прославление Афродиты, как самой великой богини, является риторическим преувеличением. Строго говоря, верховный владыка вселенной – Зевс. Однако не сам ли Зевс часто подпадает под чары любви?

	Почему ты ликуешь, бедняга Тесей, непорочного сына безбожно убив по навету своей лицемерной жены? Ложь правдивое горе тебе родила! Почему со стыда не провалишься ты в недра чёрной земли?	1290
	Почему, превратившись в пернатую тварь, не вспорхнёшь и от горестей не улетишь? Ты пойми, что уже не сумеешь ты жить, как достойные люди живут на земле!	1295
	Теперь услышь, Тесей, насколько ты несчастен! Я боль не облегчу, но сделаю сильнее! К тебе я прихожу представить в должном свете дух сына твоего, чтоб умер он со славой, и страсть жены твоей, удержанную неким достоинством души! ¹³⁷ Уколота жалом богини, чуждой нам, не выносящей девства, та к сыну твоему желаньем воспылала и, слясь победить своим умом Киприду, погублена была кормилицей, сказавшей всё сыну твоему, а он молчать поклялся. Как честный человек, он вынес искушение и, обвинён тобой в намеренном злодействе, сумел себя сдержать и не нарушил клятвы! А эта госпожа, боясь быть уличённой, на сына твоего наклёкала проклятье бессовестным письмом, да и сама погибла!	1300
	Ах, боги!	
Тес. Ар.	Как мой рассказ, Тесей? Кусается? Молчи же! Дослушай до конца, чтоб громче застоналось! Отец твой обещал тебе три клятвы, помнишь? Одну из них, злодей, бездумно ты потратил на сына своего, а мог с врагом покончить! Родитель твой морской, к тебе приязнь питая, исполнил для тебя обещанную клятву, но поняли мы с ним, насколько ты испорчен! Не ждал ты ни улики, ни гóлоса провидцев, не стал всё проверять, не отложил на время решение своё, но принялся скорее проклятия метать – и сына уничтожил!	1310
	Бей в сердце, госпожа! Ар. Твои дела ужасны, однако есть ещё надежда на прощенье, поскольку это зло устроила Киприда, войдя в безумный гнев. А боги соблюдают всегда такой закон: делам другого бога не противостоять и воле не перечить. Пойми, что если б я пред Зевсом не робела,	1315
Тес.		1320
		1325
		1330

¹³⁷ Артемида признаёт, что Федра пыталась противостоять своей страсти.

	не допустила б я такого униженья – позволить умереть тому, кто был мне ближе всех жителей земли! Во-первых, твой проступок смягчается слегка непониманием дела, притом твоя жена избежала всех расспросов, доверие к себе скрепив самоубийством. Тебя сильнее других несчастья подкосили, но мучаюсь и я. Богов не услаждает смерть праведных людей! Нам только негодяев отрадно сокрушать, и дом их, и потомство!	1335 1340
Хор	Приближается юноша бедный!¹³⁸ Тело чистое, светлые кудри – всё истерзано! Дом разорённый! Что за горе двойное свалилось на тебя по велению неба!	1345
Ип.	Ай-ай! Ай-ай! Как же мучаюсь я! Мой неправый отец предреченьем¹³⁹ неправым разрушил мне жизнь! Я пропал совершенно! Ах, боже ты мой! Как стреляет и ломит в моей голове! Как от судорог резких сжимается мозг! Я смертельно устал... Постою, отдышусь! Э! Э! Ненавистные кони, питомцы мои, я ведь выкормил вас! Вы сгубили меня! Растоптали меня! Что за горе! Эй, слуги! Богами молю, осторожней касайтесь пылающих ран! Кто там справа стоит? Поднимайте меня! Умоляю, заботливей будьте со мной, жертвой страшных ошибок родного отца! Зевс, ты видишь ли это? Ответствуй же, Зевс! Вот я, набожный, полный почтения к богам, всех на свете своим благочестьем затмив, навсегда уйду в неизбежный Аид! Всё пропало! Я тщетно трудился всю жизнь, уваженья к себе ожидая от скопища смертных людей!	1350 1355 1360 1365
	Ай-ай! Ай-ай! Как мне всё-таки больно, как больно-то мне!	1370

¹³⁸ Барретт (с. 402): «Ипп<олит> входит, сам держась на ногах <...>, но поддерживаемый и отчасти несомый своими слугами». До самого конца пьесы, т.е. до самой своей смерти, Ипполит не лежит на сцене, но стоит, опираясь на слуг.

¹³⁹ Барретт (с. 402): «Он, конечно, хочет сказать *проклятием*, однако называет его *предречением* (*χρησμός*), т.е. утверждением о некоем будущем событии, свершение которого обещано божественным авторитетом. Молитва Тес[ея], исполнение которой было заранее гарантировано Посейдоном, как раз и была таким предречением, отличающимся от обычного предречения лишь тем, что оно было одновременно и причиной предсказанного события.»

Отпустите меня!
Пусть появится смерть и меня исцелит!
Уничтожьте меня! Растерзайте меня!
Как прошу я удара двуострым копьём,¹⁴⁰ 1375
чтобы наземь упасть,
вечным сном упокоить постыльную жизнь!
О проклятье отца! Ты сгубило меня!
Когда-то пролитая кровь,
злодейство родичей моих 1380
выходит из своих границ¹⁴¹
и больше не желает ждать!
Судьба напала на меня!
За что же? В чём я виноват?
Ах, боже мой!
Что тут сказать? Как удалить 1385
из жизни эту боль мою?
Как исцелиться от беды?
Вот упокоил бы меня,
злосчастливого, Аидов рок,
непроницаемый, как ночь!

Ар. ¹⁴²	Ты, бедный, сопряжён с таким большим несчастьем!	
	Твой благородный ум тебя же уничтожил!	1390
Ип.	А!	
	Дыханье божества! И даже в горьком горе	
	я ощутил тебя, и боль чуть отпустила!	
	Ко мне сюда пришла богиня Артемида!	
Ар.	Да, бедный мой! Пришла любимая богиня!	
Ип.	Ты видишь, госпожа, как тяжело я страдаю?	1395
Ар.	Да, вижу! Но рыдать бессмертным не пристало! ¹⁴³	
Ип.	Пропал охотник твой! Пропал слуга твой верный!	
Ар.	Пропал, но ты любим и на пороге смерти!	
Ип.	Погиб возница твой! Погиб хранитель статуй!	
Ар.	Задумала так всё коварная Киприда!	1400
Ип.	Я знаю, кто мой враг и кем я уничтожен!	
Ар.	Богиню ты не чтил и гневал воздержаньем!	
Ип.	И вот она одна три жизни погубила!	

¹⁴⁰ В оригинале – «ἀμφίμοιον λόγχας», т.е. «двуострого копья». Барретт (с. 406) полагает, что Ипполит «кажется, думает о мече». Если читатель согласен с Барреттом, то он волен заменить «копьем» на «мечом». Перевод же следует буквальному значению слова «λόγχας», поскольку известны и копья с двуострым лезвием.

Ар.	Тебя с твоим отцом, да и жену отцову!	
Ип.	Как жалко мне отца, погрязшего в несчастьях!	1405
Ар.	Да, в сети божества он так легко попался!	
Ип.	Возлюбленный отец! Ты весь истерзан горем!	
Тес.	Я уничтожен, сын, и нет мне света в жизни!	
Ип.	Сильнее, чем себя, мне жаль тебя, родимый!	
Тес.	Хотел бы я, мой сын, взамен тебя погибнуть!	1410
Ип.	Отец твой, Посейдон, нам тяжкий дар доставил!	
Тес.	Ах, если б этот дар я не просил у бога!	
Ип.	Ты так разгневан был, что ты меня убил бы!	
Тес.	Да, боги у меня весь разум отобрали!	
Ип.	Как тяжело мне! ¹⁴⁴	
	Зачем нам не дано проклясть богов казнящих!	1415
Ар.	Оставьте это всё! Но ты во тьме подземной не будешь неотмщён за тяжкий гнев Киприды, который на тебя обрушился смертельно ¹⁴⁵ за твой похвальный ум и почитанье блага!	
	Я собственной рукой убью того, кто ныне богинею любим сильнее всех на свете, потоком стрел моих, летучих, неизбежных! ¹⁴⁶	1420
	Тебе же, бедный мой, за всё твоё страданье я дам большой почёт среди трезенских граждан!	
	Пусть локоны свои до заключенья брака, стена по тебе, срезают все невесты, и плод их горьких слёз вкушать ты будешь долго.	1425
	Пусть девушки тебе слагают неустанно безрадостный напев, не обходя молчаньем и тяжкую любовь несчастной вашей Федры!	1430
	Скажу я и тебе, сын старого Эгея! Ты юношу прими, сожми его в объятьях! Неведением своим ты сына уничтожил! Да! Если хочет бог, злодеем станет всякий!	
	Отца же, Ипполит, не нужно ненавидеть, велением судьбы ты эту жизнь кончаешь!	1435
	Прощай! Я не могу смотреть на умирание и осквернять глаза хрипением предсмертным, ¹⁴⁷	

¹⁴⁴ В оригинале – «φει», т.е. «увы!». Читатель волен принять этот вариант перевода.

¹⁴⁵ Барретт (с. 411): «Ипп<олит>, понимающий теперь, что его смерть является наказанием за отрицание Афр<одиты>, остаётся непоколебимым в этом отрицании: кара вызвала не покаяние, но проклятие. А теперь и близкая ему богиня утверждает его в таковом отрицании: защитить его [Ипполита – В.] она не может, однако отомстить она способна – и сделает это. Человеческий конфликт разрешается смертью; олимпийский конфликт продолжается, неразрешённый».

¹⁴⁶ Имеется в виду Адонис (Ἄδωνις), прекрасный юноша, пастух и охотник, возлюбленный Афродиты. Убит на охоте вепрем, по одной из версий мифа, посланным Артемидой. Еврипид, правда, отступает от традиционного рассказа, представляя дело так, будто бы сама Артемида убьёт Адониса. Впрочем, «стрелы» здесь могут быть метафорой её божественного гнева.

Ип.	а ты уже стоишь у кромки чёрной бездны! Прощай и в добрый путь, блаженнейшая дева! Уходишь ты легко от нашей долгой дружбы! ¹⁴⁸ Конец вражде с отцом, когда ты так желаешь! И прежде я тебе во всём повиновался! ¹⁴⁹ Ай-ай! В мои глаза крошечный мрак нисходит! Приди ко мне, отец, и помоги подняться!	1440 1445
Тес.	Сынок, ты что творишь с отцом твоим несчастным?	
Ип.	Я испускаю дух! Я двери смерти вижу!	
Тес.	И руку ты мою оставишь нечестивой?	
Ип.	Нисколько! Я с тебя снимаю преступление! ¹⁵⁰	
Тес.	Ты что сказал, сынок? Избавлен я от крови?	1450
Ип.	Смирительницей стрел ¹⁵¹ клянусь я, Артемидой!	
Тес.	Возлюбленный мой сын! О, как ты благороден!	
Ип.	Прощай и ты, отец! Прощай теперь надолго!	
Тес.	Что за прекрасный дух! Благочестивый, добрый!	
Ип.	Молись, чтоб ты имел таких детей законных!	1455
Тес.	Ты не бросай меня! Держись, мой сын любимый!	
Ип.	Держаться нет уж сил! Отец, я умираю! Кинь пеплос на лицо! Прикрой меня скорее!	
Тес.	Афинский славный край! Владения Паллады! Кого лишились вы? Какой же я несчастный! Киприда, твой урок я долго помнить буду!	1460
Хор	Как всех граждан теперь поразило этим горем неожиданным! Будут слёзы потоками литься, потому что страдания героев остаются в легендах навеки!	1465

¹⁴⁷ В оригинале – «οὐδ' ὄμμα χραίνεῖν θανασίμοισιν ἐκπνοαῖς», т.е. «и осквернять (мой) взор предсмертными вздохами». Немного странное утверждение, потому что вздохи доходят до слуха, не до зора. Очевидно, имеется в виду «и осквернять мой взор видом того, как человек испускает предсмертный вздох». Возможно также, что хрипение умирающих создаёт что-то вроде испарения, которое оскверняет глаза божества. Так, видимо, это место понимает Анненский: «Взор небесный // Не должен видеть смерти, и глаза // Туманит нам холодное дыханье.» Как бы там ни было, в переводе строка передана почти буквально. Однако читатель может заменить её на такой, более понятный вариант: «и слух мой осквернять хрипением предсмертным».

¹⁴⁸ Барретт (с. 414): «В этих словах нет ни тени упрёка, лишь его жажда быть с нею и безропотное принятие своей человеческой доли». Халлеран (с. 267) вторит Барретту, не находя в словах Ипполита «ни ярко выраженной враждебности, ни упрёка», хотя и признаёт, что критики находили в этих словах «различное отношение, от негодования до благочестивой покорности». Мне трудно согласиться с Барреттом и Халлераном и легко с теми из критиков, которые усматривают в словах Ипполита... я бы не сказал негодование, но явно некий скорбный упрёк. Божество склонно пребывать с человеком во времена его благополучия, но немедленно отдаляется, когда приходит беда или смерть, чтобы избежать скверны, будто божественное может быть осквернено. Впрочем, есть и счастливые исключения, например, поведение Афины, помогавшей Одиссею в тяготах его возвращения на Итаку.

¹⁴⁹ Интересно отметить, что Ипполит прощает отца не по велению своей души, по лишь потому, что этого желает Артемиды.

¹⁵⁰ Барретт (с. 415): «По аттическому закону пострадавший перед смертью мог избавить убийцу от последствий его преступления».

¹⁵¹ В оригинале – «τοξόδαμνον», т.е. «смиряющей стрелами».

16.10.2017–16.07.2018, Брисбен, Париж, Москва, Амудара (Крит), Екатеринбург, Москва
Полная переработка: 05.12.2020–23.12.2020, Брисбен.
Шлифовки текста: 15-18.09.2021; 18.08–24.09.2022; 20.05.2023; 16.07.2023; 09.2026.